

# Порядок танца

## Часть первая

I. Весть о том, что они идут .....	11
II. Воскресшие из мертвых .....	34
III. В курсе дел .....	68
IV. Работа пауков 1	
<i>Горизонтальная восьмерка</i> .....	101
V. Там, где рвется .....	138
VI. Работа пауков 2	
<i>Чертово вымя, сатанинское танго</i> .....	169

## Часть вторая

VI. Иримиаш держит речь .....	205
V. Перспектива, вид спереди .....	230
IV. Вознесение? Сон наяву? .....	262
III. Перспектива, вид сзади .....	289
II. Сплошные труды и заботы... ..	317
I. Круг замыкается .....	327

*Тогда я предпочел бы пропустить его,  
дожидаясь здесь.*

Ф. К.

# Часть первая

## Весть о том, что они идут

**В** один из последних дней октября, на рассвете, еще до того, как на западной стороне поселка на потрескавшийся солончак падут первые капли немилосердно долгих осенних дождей (и до самых заморозков море зловонной грязи зальет все дороги, отрезав поселок от города), Футаки пробудился от колокольного звона. В четырех километрах к юго-западу от поселка, в бывшем владенье Хохмайса, стояла заброшенная часовня, но там не то что колокола не осталось, но и сама колокольня была разрушена еще во время войны, ну а город слишком далеко, чтобы оттуда хоть что-нибудь было слышно. И вообще, торжествующий этот гул во все не походил на отдаленный звон; казалось, ветер подхватывал его где-то рядом (“Вроде как с мельницы...”). Привстав на локте, он всмотрелся в крохотное, как мышиный лаз, оконце кухни, но за полузапотевшим стеклом поселок, омываемый утренней синевой и замирающим колокольным звоном, был нем

и недвижим; на противоположной стороне улицы, в далеко отстоящих один от другого домах, свет пробивался только из занавешенного окна доктора, да и то потому лишь, что вот уже много лет он не мог заснуть в темноте. Футаки затаил дыхание, чтобы в отливной волне колокольного звона не упустить ни единой выпавшей из потока ноты, ибо хотел разобраться в происходящем (“Ты, никак, еще спишь, Футаки...”), и потому ему важен был каждый, пусть даже самый сиротливый звук. Своей известной кошачьей походкой он бесшумно проковылял по ледяному каменному полу кухни к окну и, распахнув створки (“Да неужто никто не проснулся? Неужто никто не слышит, кроме меня?”), высунулся наружу. Лицо обдал едкий, промозглый воздух, и ему пришлось ненадолго закрыть глаза; но тщетно он вслушивался в тишину, которая от петушиного крика, отдаленного лая собак и от завывания налетевшего несколько минут назад резкого беспощадного ветра делалась только глубже, он ничего не слышал, кроме собственного глухого сердцебиения, будто все это было лишь наваждением полусна, какой-то игрой, будто просто “кто-то меня напугать решил”. Он тоскливо взирал на зловещее небо, на обуглившиеся ошметки лета, не доеденные прожорливой саранчой, и вдруг, присмотревшись к ветке акации за окном, увидел, как следуют чередой друг за другом весна, лето, осень, зима, как будто в застывшем кристалле вечности выкидывало свои фортеля само время, прочерчивая сквозь сутолоку хаоса дьявольские прямые, творя иллюзию высоты и выдавая блажь за неотвратимость... и увидел себя, распятого меж колыбелью и гробом, мучительно дернувшегося в последней су-

дороге, чтобы затем, по чьему-то сухому трескучему приговору, в чем мать родила — без знаков различия и наград, — быть переданному мойщикам трупов, хохочущим живодерам, в чьих расторопных руках он уж точно познает меру дел человеческих, познает ее окончательно и бесповоротно, ибо он к тому времени уже убедится, что всю жизнь играл с шулерами в игру с заранее известным исходом, под конец которой он лишится последнего средства защиты — надежды когда-нибудь обрести дом. Повернув голову на восток, к строениям, когда-то шумным и полным жизни, теперь же пустынным и обветшалым, он с горечью наблюдал, как первые лучи раздутого красного солнца пробиваются сквозь стропила полуразрушенной, с ободранной крышей, фермы. “Надо решаться, в конце концов. Нельзя мне тут оставаться”. Он снова забрался под теплое одеяло и подложил руку под голову, но не смог сомкнуть глаз: этот призрачный колокольный звон напугал его, но еще больше пугала внезапная тишина, угрожающее безмолвие, потому что он чувствовал, что в эту минуту может произойти что угодно. Но ничто вокруг не пошевелилось, он и сам лежал на кровати не шевелясь, пока между молчаливыми до сих пор окружающими предметами не завязался встревоженный разговор (скрипнул дверцей буфет, громыхнула кастрюля, скользнула на место фарфоровая тарелка), и тогда, неожиданно повернувшись в постели, он отпрянул от пахнувшей потом госпожи Шмидт, нашарил рукой приготовленный на ночь стакан с водой и залпом осушил его. Это освободило его от детских страхов; он вздохнул, отер взмокший лоб и, зная, что Шмидт и Кранер в Соленой Пади еще толь-

ко сбивают скот в стадо, чтобы затем отогнать его в расположенное к северу от поселка хозяйство, где они наконец-то получают деньги за тяжкие восьмимесячные труды, после чего пустятся в обратный путь, который займет у них добрых пару часов, он решил, что можно еще вздремнуть. Футаки смежил глаза, повернулся на бок, обнял женщину и почти уже задремал, когда снова услышал звон колокола. “Что за черт!” — откинул он одеяло, но едва его голые шишковатые стопы коснулись холодного пола, звук опять прекратился (“Будто знак кто-то подает...”). Сгорбившись и сцепив на коленях руки, он сидел на краю кровати; его взгляд упал на пустой стакан, у него пересохло в горле, ныла правая нога, и он уже не решался ни встать, ни забраться назад в постель. “Завтра же и уйду”. Он окинул глазами еще в целом пригодную к делу утварь убогой кухни — плиту, заляпанную пятнами жира и пригоревшей пищи, брошенную под плиту кошелку с оторванной ручкой, колченогий стол, запльвившиеся иконки, висящие на стене, горшки и кастрюли, сваленные в углу у двери; наконец, он повернулся к уже прояснившемуся окошку, увидел за ним голые ветви акации, дом Халичей с провалившейся крышей и кривой трубой, из которой шел дым, и сказал себе: “Заберу свою долю, и прощевайте! Сегодня же вечером!.. В крайнем случае — завтра! С утра!” — “О боже!” — вскрикнула рядом с ним госпожа Шмидт; она в ужасе озиралась по сторонам, грудь ее тяжело вздымалась, но когда поняла, что из мрака на нее глядят знакомые вещи, то облегченно вздохнула и откинулась на подушку. “Что, приснилось чего?” — спросил Футаки. Госпожа Шмидт, все так же испуганно, остави-

лась в потолок. “Не приведи господь! — вздохнула опять она и положила руку себе на сердце. — Чтoб такое!.. Ты только представь себе... Сижy в комнате, и вдруг... стук в окно. Я, конечно, открыть его не посмела, просто стала у занавески и выглянула украдкой. Но увидела только спину, потому что он дергал уже ручку двери... И рот видела, который что-то кричал... но понять ничего было невозможно... Рoжа у мужика небритая, а глаза будто бы из стекла... Чистый кошмар... А я еще спохватилась, что дверь вечером на один всего оборот заперла и что, пока доберусь до нее, будет поздно... поэтому быстро захлопнула дверь на кухню, но потом поняла, что от нее у меня нет ключа. И стала было кричать, но так и не выдавила из себя ни звука. А потом... я не помню... с чего, почему... в окно неожиданно заглянула Халич — заглядывает и смеется... ну, ты знаешь эту ее ухмылочку... в общем, она заглянула на кухню... потом вдруг пропала... а мужик тот уже ногами колотит в дверь, еще секунда, и он ее высадит, и я вспомнила тут про хлебный нож, метнулась к буфету, но ящик заклинило, я его дергаю, умирая от ужаса... потом слышу, бах, дверь повалилась, и он уж по коридору топает... а ящик, хоть тресни, не поддается... мужик тот уже в дверях стоит... я наконец открываю ящик, хватаю нож, он размахивается, кидается на меня... и не знаю, как это вышло... только вижу, он уж лежит в углу, под окном... да, при нем еще были кастрюльки, синие, красные... все они разлетелись по кухне... а потом я почувствовала, как под ногами двинулся пол, представляешь, вся кухня куда-то поехала, будто автомобиль... а что было дальше, не помню...” — закончила она и с облегчением

рассмеялась. “Ну мы с тобой хороши! — покачал Футаки головой. — А я, представляешь, проснулся от колокольного звона...” — “От звона?! — изумленно выпучилась она. — Да откуда здесь колокол?!” — “И сам не пойму. Причем дважды звонили, подряд...” Тут уже головой закачала госпожа Шмидт: “Так и сбрендить недолго”. — “Или, может, мне это тоже приснилось, — проворчал растревоженный Футаки. — Помяни мое слово, сегодня что-то стрясется...” Она рассерженно повернулась к нему спиной: “Ты вечно так говоришь, неужто не надоело?” И тут вдруг они услышали, как заскрипела садовая калитка. И в страхе переглянулись. “Это он! — прошептала госпожа Шмидт. — Я чувствую”. Футаки нервно сел: “Как же так... не может такого быть! Они еще не могли вернуться...” — “Да почему мне знать!.. Шевелись!” Он выскочил из постели, подхватил одежду и, затворив за собой дверь горницы, быстро оделся. “Палка, черт побери. Я оставил там свою палку”. Горницей Шмидты не пользовались с самой весны. Сначала зеленая плесень покрыла стены, затем в платяном шкафу, дряхлом, но регулярно начисто протираемом, заплесневели одежда, полотенца и все постельные принадлежности, а еще через пару недель поржавели приберегаемые для особых случаев столовые приборы, расшатались ножки покрытого кружевными салфетками большого обеденного стола, а когда пожелтели оконные занавески и в один прекрасный день отключился свет, хозяйева окончательно перебрались на кухню, оставив горницу во власти пауков и мышей, с которыми все равно не могли ничего поделать. Прислонившись к дверному косяку, Футаки стал размышлять, как ему незаметно отсюда выбрать

ся. Но положение выглядело достаточно безнадежным — улизнуть он мог только через кухню. Для того же, чтобы сигать в окно, он чувствовал себя староватым, да и заметят его, потому как госпожа Халич и госпожа Кранер постоянно высматривают, что происходит на улице. А тут еще эта трость — если Шмидт ее обнаружит, то сразу смекнет, что он скрывается где-то в доме, и тогда Шмидт, который в подобных делах, как известно, не шутит, может лишить его доли, и придется Футаки убираться с тем, с чем явился сюда семь лет назад, через пару месяцев после того, как пошла молва о здешнем преуспевании, — то есть в единственных драных штанах и выдавшем виды пальто, с пустыми карманами и голодным брюхом. Госпожа Шмидт кинулась в коридор, а Футаки прильнул ухом к двери. “Никаких возражений, кисуля! — слышался хриплый голос Шмидта. — Будешь делать, что тебе говорят! Поняла?” От волнения Футаки бросило в жар. “Мои денежки!” Он чувствовал себя в западне. Но времени на размышления не было, и он все же решил лезть в окно, потому что “тут надо незамедлительно что-то предпринимать”. Он уже потянулся к оконной ручке, когда услышал, что Шмидт прошагал в конец коридора. “Побрызгать пошел!” Он на цыпочках вернулся к двери и, затаив дыханье, прислушался. Когда за Шмидтом захлопнулась дверь, что выходила на задний двор, он осторожно выскользнул в кухню, окинул взглядом отчаянно замахавшую руками госпожу Шмидт, без единого звука прошел к входной двери, быстро выскочил, а когда уже был уверен, что сосед вернулся, громко забарабанил в дверь, как будто только что подошел. “Есть кто в доме? Эй, Шмидт!

Открывай!” — зычно заорал он, а затем, чтоб не дать приятелю улизнуть, стремительно шагнул в дом и, едва только Шмидт выскочил из кухни, чтобы скрыться через заднюю дверь, преградил ему путь. “Погоди, погоди! — сказал он насмешливо. — И куда это ты так спешишь, приятель?” Шмидт в растерянности молчал. “Ну, тогда я тебе скажу, дружище! Я тебе помогу, так и быть! — продолжал он, сурово нахмурившись. — Ты решил драпануть с деньгами, не так ли? Я угадал? — И, видя, что Шмидт все еще молча хлопает глазами, покачал головой. — Эх, приятель! Вот чего никогда не подумал бы!” Они прошли в кухню и уселись друг против друга за стол. Госпожа Шмидт с напряженным видом завопилась у плиты. “Слушай, друг... — начал Шмидт, запинаясь. — Я сейчас объясню...” Футаки отмахнулся: “Мне и так все понятно! Ты лучше скажи, Кранер тоже в этом участвует?” Шмидт нехотя кивнул: “Половина на половину”. — “Вот ведь сукины дети! — возмущенно воскликнул Футаки. — Хотели меня надуть!” Он опустил голову и задумался. “Ну, и что дальше? Что будем делать?” — наконец спросил он. “Что делать? — со злостью развел руками Шмидт. — Возьмем тебя в долю, приятель”. — “Это как же?” — поинтересовался Футаки, мысленно прикидывая сумму. “На троих все поделим, — неохотно ответил Шмидт. — Только держи язык за зубами”. — “Насчет этого можешь не беспокоиться”. Госпожа Шмидт у плиты вздохнула: “Вы с ума сошли. Вы думаете, это сойдет вам с рук?” Шмидт, как будто он ничего не слышал, заглянул в глаза Футаки: “Ну вот. В обиде ты не останешься. Только я тебе должен еще кое-что сказать. Приятель! Не разоряй меня!” — “Ну мы же до-

говорились, разве не так?” — “Да, конечно, тут никаких вопросов! — продолжил Шмидт, и голос его зазвучал умоляюще. — Я только прошу тебя... одолжи ненадолго мне свою долю... Ну хотя бы на год! Пока мы не обоснуемся где-нибудь...” Тут Футаки взвился: “А может, тебе еще что-нибудь вылизать?!” Шмидт подался вперед, вцепившись левой рукой в столешницу. “Я бы не стал просить тебя, если б ты сам не сказал намедни, что отсюда ты уже не ходок! А зачем тебе в таком случае деньги? И ведь только на год... всего-навсего!.. Нам это нужно, пойми, без этого нам никак. Что я сделаю с двадцатью-то кусками, на них разве купишь хутор? Ну хоть десять добавь, слышишь, друг!” — “Мне до этого дела нет! — раздраженно отрезал Футаки. — Ни малейшего. Я тоже не собираюсь здесь заживо сгнить!” Шмидт затряс головой, чуть не плача от злости, а затем начал заново, упрямым и все более безнадежным тоном, наваливаясь при этом на стол, который с каждым движением содрогался под ним как бы в поддержку его словам, которыми он, в сопровождении умоляющих жестов, пытался “разжалобить сердце” приятеля, и надо сказать, что еще немного, и Футаки сдался бы, но тут взгляд его стал задумчивым и устремился на мириады пылинок, мельтешивших в полоске падающего в дом света, и в нос ударил затхлый кухонный запах. Он неожиданно ощутил во рту кисловатый вкус и подумал, что это явилась смерть. С тех пор как был ликвидирован поселок и люди бежали отсюда так же безоглядно, как некогда сюда ехали, и он — вместе с несколькими семьями, с доктором и директором школы, которым, как и ему, некуда было податься, — застрял здесь, Футаки постоянно на-

блюдал за вкусом еды, ибо знал, что смерть сперва поселяется в супе, в мясе, въедается в стены; он подолгу не проглатывал куски, перекладывая их языком, а воду, а также изредка достававшееся вино пил медленными глотками. Иногда он чувствовал даже неодолимое желание уколупнуть кусочек грязной штукатурки в машинном зале насосной станции, где он обитал, и отведать ее, дабы по изменившемуся запаху и непривычной вкусовой комбинации распознать Предостережение, потому что он верил в то, что смерть — это только своего рода знак, а не чудовищная развязка. “Но ведь я не в подарок прошу, — вяло канючил Шмидт. — Прошу в долг. Понимаешь ты это, приятель? В долг! Через год, день в день, верну все до последнего филлера”. Они удрученно сидели за столом. От усталости у Шмидта горели глаза. Футаки пристально изучал загадочные узоры каменных плиток пола, пытаясь не выдать свой страх, хотя объяснить им, чего он боится, он все равно бы не смог. “Ты мне вот что скажи! Сколько раз отгонял я стадо в Соленую Падь, один, по безумной жаре, когда боишьсядохнуть, чтобы не польхнуть изнутри?! А кто лес добывал?! Кто ставил загон?! Я намучился здесь уж не меньше, чем ты, не меньше, чем Кранер и Халич! И вдруг ты ни с того ни с сего говоришь: дай займы! А потом тебя поминай как звали! Так, приятель?!” — “Значит, не доверяешь мне?” — оскорбился Шмидт. “Черта лысого я тебе доверяю! — крикнул Футаки. — Вы с Кранером еще до рассвета уговорились удрать со всеми деньгами, и после этого я должен тебе доверять?! Ты за кого меня держишь? За дурачка?” Они замолчали. Жена Шмидта гремела у плиты посудой. Шмидт был

разочарован. Футаки, скрутив дрожащими пальцами сигарету, поднялся из-за стола, проковылял к окну и, опираясь левой рукой на палку, стал смотреть на дождь, волнами налетающий на крыши домов, на покорно гнущиеся на ветру деревья, прочерчивающие голыми ветками дуги в воздухе. Он думал о корнях и о живо-творной грязи, в которую превратилась уже земля, и о том безмолвии, беззвучном ощущении полноты, которого он так страшился. “А скажи мне... — неуверенно начал Футаки. — Почему вы вернулись, раз уж решили...” — “Почему, почему?! — озлобленно прохрипел Шмидт. — Потому что мы это надумали уже по дороге домой. И когда спохватились, то были уже у поселка... И потом, ведь жена... Я что, должен был ее бросить здесь?..” Футаки кивнул. “А что Кранер? — спросил он чуть погодя. — О чем вы договорились?” — “Они тоже пока сидят дома. Решили идти на север, жена Кранера слышала, что есть там заброшенная лесопилка или что-то навряде этого... Договорились мы так, что встретимся, как стемнеет, за околицей у распятия, на том и расстались”. Футаки вздохнул: “День-то долгий еще. А как с остальными быть? С Халичем, с директором?..” Шмидт подавленно потирал пальцы рук. “Да почему я знаю! Халич, по-ди, целый день продрыхнет, вчера у Хоргошей большая гулянка была. А что касается господина директора, то пошел он куда подальше! Если только начнет возникать, я его быстро окорочу! Так что спокойно, приятель, спокойно!” В общем, они решили дожидаться ночи на кухне. Футаки подтащил стул к окну, чтобы присматривать за домами напротив, Шмидта сморил сон, и он, склонившись на стол, захрапел, а жена

его, достав из-за шкафа кованый солдатский сундучок, смахнула с него пыль, протерла изнутри и молча принялась паковать в него вещи. “Дождь идет”, — сказал Футаки. “Я слышу”, — отозвалась она. Слабый солнечный свет едва пробивался сквозь груды движущихся на восток туч; кухня погрузилась во мрак, как будто уже наступили сумерки, и трудно было понять, являются ли пляшущие на стене пятна всего лишь теньями, или это зловещие отпечатки отчаяния, притаившегося за их полными смутных надежд раздумьями. “Отправлюсь на юг, — уставясь на дождь, сказал Футаки. — Там хотя бы зима короче. Возьму хутор в аренду, поблизости от какого-нибудь цветущего города, и буду целыми днями парить ноги в тазу...” Капли дождя тихо скатывались по обеим сторонам стекла — внутри от верхней щели шириною в палец вода текла вниз до стыка рамы и подоконника, затем, найдя желобок, доходила до его края, откуда, опять разделяясь на капли, падала на колени Футаки, который даже и не заметил — ибо вернуться оттуда, куда унесли его мысли, было не так-то просто, — как постепенно у него отсырела промежность. “Или устроюсь на шоколадную фабрику ночным сторожем... а может, вахтером в женское общежитие... И постараюсь забыть обо всем... Парить ноги по вечерам в тазу, бить баклуши и смотреть, как проходит гребаная эта жизнь...” Дождь, до этого тихий, теперь превратился в ливень, и землю, захлебывавшуюся и раньше, залил настоящий потоп, прокладывающий себе узкие извилистые канавы к низинным участкам, и хотя сквозь стекло уже невозможно было ничего разглядеть, Футаки не отворачивался от окна, изучая изъеденную древоточцами раму, из ко-